

ФИЛОСОФІЯ ДѢЙСТВІЯ*)

(Морисъ Блондель и аббатъ Лабертоньеръ).

«Я очень мало знакомъ съ философіей лицъ, о которыхъ Вы упоминаете, писалъ недавно Поль Клодель, отвѣчая на письмо Жака Ривьера, который спрашивалъ его о религиозно-философскомъ движеніи, представленномъ М. Блонделемъ, аббатомъ Лабертоньеромъ и Леруа, и я не имѣю къ нему ни интереса, ни любопытства. Знаю только, что книги двухъ изъ нихъ были осуждены Святѣйшимъ Престоломъ. Есть люди, которые стыдятся нашей бѣдной, старой матери Церкви. Они хотѣли бы нарядить ее по послѣдней модѣ въ прямой юрсетъ и шляпу клошъ. Это скорѣе смѣшно, чѣмъ опасно»). Нельзя быть болѣе несправедливымъ и, такъ какъ мнѣ было предложено познакомиться съ теченіемъ религиозной философіи, которому я лично многимъ обязанъ, то я начну съ протеста противъ столь поверхностнаго его истолкованія. Конечно, во многихъ отношеніяхъ данное движеніе — «философія дѣйствія», «методъ имманенціи» (названія, подъ которыми оно наиболѣе извѣстно), есть функція спекулятивнаго усилія современной философіи. Это особенно поражаетъ у Леруа, открыто провозгласившаго себя интуитивистомъ-бергсоніанцемъ и въ экзо-

гезѣ Луази. Но необходимо замѣтить, что инициатива Леруа является въ этомъ отношеніи чисто личной. Что же касается М. Блонделя и аббата Лабертоньера**), то имъ не нужно было ждать церковнаго осужденія, ударившаго по модернизму, чтобы предостеречь и указать на опасность системъ «мобилизма» и «историзма». Оба они всегда утверждали, что ихъ доктрина не только отъ этихъ системъ независима, но и есть лучший способъ ихъ опроверже-

**) Необходимо прочесть: M. Blondel. *L'action*, Alcan, ed. 1893. «Lettre sur les exigences de la pensée moderne en matière d'apologétique». *Annales de philosophie chrétienne*. Janvier à Juillet 1896. Histoire et dogme. Quinzaine des 16 Janvier, 1 et 16 Janvier 1904. Le point de départ de la recherche philosophique. *Annales de philosophie chrétienne*, de Janvier et Juin 1906. Le procès de l'intelligence. Blond et Gay, ed. 1921. Leon Ollé Lapruné, Blond et Gay, ed. 1923.

Le problème de la mystique. *Cahiers de la nouvelle journée*.

Père Labertonnière. *Essais de philosophie religieuse* Letheilleux, ed. 1923. Réalisme chrétien et Idealisme grec. Letheilleux, ed. 1904. *Annales de philosophie chrétienne*. Dogme et théologie. *Annales*, Septemb. et Oct. 1907. Fevrier et Oct. 1908. Décembre 1909, Positivismе et catholicisme, Blond et Gay, ed. 1911.

*) Статья эта специально написана П. Аршанбо для журнала «Путь».

*) Jacques Rivière et Paul Claudel. *Correspondance 1907-1914*. Dans le «Roseau d'or» № 6. Lettre du 24 oct. 1907, 111 p..

нія. Однако, въ остальномъ, будучи хорошо знакомы съ работами новѣйшей философіи и духовными запросами, которые ищутъ въ нихъ удовлетворенія, они избѣгали не только пренебрегать ею, но не останавливались и передъ тѣмъ, чтобы ею вдохновляться, хотя бы для того, чтобы ее превзойти. Этого я не стану отрицать. Но утилизировать, не значитъ сдаваться. Въ этомъ начинаніи (имѣя ввиду традиціонное ученіе), ни одна изъ существенныхъ и незыблемыхъ сторонъ христіанской истины не была ими ни искажена ни забыта. Даже самые требовательные цензора должны будутъ этимъ удовлетворяться. Подойдемъ, однако, поближе къ существу вопроса.

Нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ цитатамъ и доказательствамъ, чтобы обнаружить, насколько философія дѣйствія отличается отъ направленной рационалистическихъ, съ которыми ее часто смѣшивали (смѣшеніе это происходитъ все рѣже и рѣже, но дѣлается еще болѣе непростительнымъ). Противъ фидеизма и прагматизма она выдвигаетъ устойчивость и плодотворность человѣческой спекуляціи. Изъ четырехъ формъ познанія, различаемыхъ и послѣдовательно освѣщаемыхъ М. Блонделемъ: чувственной, понятной, реальной и мистической, нѣтъ ни одной, которая, въ концѣ концовъ, не оправдала бы свою цѣнность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не нашла бы своихъ границъ въ случаѣ преждевременныхъ притязаній на онтологию. Въ «Procès de l'Intelligence» именно М. Блондель рѣшительно подчеркиваетъ, что направленіе его не только не устраняетъ дискурсивное познаніе, а наоборотъ дѣлаетъ его въ свое время и на своемъ мѣстѣ орудіемъ истины и жизни.

Идеалистическому субъективизму онъ противопоставляетъ если не форму, то сущность традиціоннаго опредѣленія истины. Истинное утвержденіе не есть только то, которое удовлетворяетъ наши желанія или хотя бы согласуется, въ кантіанскомъ смыслѣ, съ существенными условіями нашего представленія. Истинное утвержденіе это то, которое приобщаетъ насъ къ Бытію, дѣлаетъ его обладателемъ, даетъ жить имъ и въ немъ. Эгоистическому индивидуализму онъ говоритъ, что единство, традиція, авторитетъ столь же необходимы для жизни духовной какъ и для жизни матеріальной человѣка. Мы не рождаемся свободными, но у насъ есть возможность сдѣлаться

свободными. Человѣкъ не есть чистый разумъ. Онъ достигаетъ знанія лишь черезъ вѣру. Мы освобождаемся и просвѣщаемся лишь съ помощью организованнаго и іерархически построеннаго общества, съ помощью Церкви.

Имманентистскому натурализму онъ говоритъ о томъ, что сверхприродная жизнь не является простымъ расцвѣтомъ нашихъ способностей или завоеваніемъ нашей воли, что она предполагаетъ даръ, благодать, безъ которыхъ самыя благородныя усилія наши будутъ напрасны. Человѣкъ ищетъ и содержитъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ онъ самъ и лишь поэтому только онъ себя и постигаетъ и осуществляетъ. Примѣненіе «метода имманенціи» ведетъ къ утвержденію трансцендентной реальности.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ мысль Мориса Блонделя и аббата Лабертоньера находится въ полномъ согласіи не только съ официальнымъ теологическимъ ученіемъ, но и съ *regennis philosophia*, которую оно съ такой силой приспособило къ своему догматическому синтезу. Отчего же происходитъ это слишкомъ очевидное недоразумѣніе? Гдѣ начинается и куда ведетъ раздоръ, безъ котораго совершенно непонятно сопротивленіе, безъ сомнѣнія вполне искреннее и часто глубоко продуманное? Что дѣлаетъ инициативу Блонделя и оригинальной и глубокой и обоснованной?

Я надѣюсь это станетъ вполне понятнымъ, если мы подумаемъ съ одной стороны о важномъ значеніи, которое эллинизмъ (главнымъ образомъ въ аристотелевской формѣ своей) игралъ въ развитіи христіанской мысли, и съ другой стороны, о тѣхъ важныхъ теоретическихъ и моральныхъ недостаткахъ, которыми онъ страдаетъ съ христіанской точки зрѣнія.

Для Грековъ, этихъ настоящихъ учителей философіи Запада, реальность состоитъ въ глубинѣ своей изъ идей, «формъ» или сущностей, связанныхъ между собой интеллектуальнымъ единствомъ. Созерцать эти сущности, размышлять о ихъ взаимоотношеніяхъ, въ этомъ и заключается вся наука, наука объ универсальномъ какъ они говорятъ, гдѣ все частное и случайное, лишь съ трудомъ находитъ себѣ мѣсто. Это даетъ счастье. Нѣтъ большей радости, чѣмъ радость умозрѣнія и ничто, скажутъ вамъ стойки, не можетъ отнять у насъ эту радость. Наконецъ, это даже сама добродѣтель, къ тому же тождественная съ счастьемъ. Все оцѣливается и признается

лишь по своей разумности. Мудрецъ, одинъ лишь мудрецъ имѣеть всѣ права и потому достаточно быть просвѣщеннымъ, чтобы дѣлать добро. Нельзя быть злымъ добровольно. Греческая философія есть интеллектуализмъ въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова.

Вотъ почему, какимъ бы парадоксомъ это не казалось, наши авторы обычно называютъ такое направленіе мысли словомъ экстренсесизмъ, обозначая этимъ отсутствіе чувства свободы и человѣческой личности. Систему формъ и сущностей во всемъ великолѣпнѣ своей очевидности, при этомъ совершенно безразличной къ нашему дѣланію — вотъ что находимъ мы въ этой концепціи по отношенію къ намъ. Но всякое утвержденіе формы предполагаетъ трансцендентное принужденіе, налагаемое на матерію безъ возможнаго съ ея стороны сопротивленія. Всякое утвержденіе очевидности предполагаетъ принудительное принятіе, принудительную любовь и этимъ замораживаетъ ихъ. Предъ лицомъ божества столь равнодушныхъ трудно человѣку сохранить особое чувство своей индивидуальности, своей судьбы, своей неизмѣнной автономіи. Въ этомъ изумительномъ Космосѣ, созданномъ не для него, гдѣ онъ является такимъ же элементомъ, такой же частью машины, какъ и всѣ другія, величайшей побѣдой его можетъ быть лишь минутное созерцаніе порядка и красоты вещей. Но созерцаніе это не «спасаетъ» и достигшій его все же не избѣгаетъ своей судьбы и смерти. Въ Градѣ, отображающемъ этотъ Космосъ, свобода предоставляется лишь немногимъ, но свобода эта не даетъ права совѣсти возставать противъ несправедливаго закона. Инициатива Сократа является исключеніемъ и мы знаемъ какой цѣной она имъ куплена. То же видимъ мы и во всей античности въ чистомъ ея видѣ. Не Градъ для гражданъ, а граждане для Града.

Даже сама истина является здѣсь палящей и изначально принуждающей. Не все-ли равно что она пробуждаетъ, какъ воздѣйствуетъ? Она не только не нуждается въ нашей любви и въ нашемъ признаніи, но ей не нужно даже этой любви и этого признанія, чтобы владѣть нами и выявлять себя. Она сіяетъ и этого ей достаточно.

Такого рода тезисамъ, которые во всей полнотѣ своей не защищались ни однимъ мыслителемъ, даже языческимъ, но въ отдѣльности каждый изъ нихъ глубоко проникатъ мысли нѣкоторыхъ изъ нихъ,

даже христіанъ, дѣло М. Блонделя и аббата Лабертоньера нанесло, поистинѣ, рѣшительный ударъ.

Не система идей и законовъ, а лишь рядъ событій—вотъ чѣмъ является для нихъ арена нашей человѣческой жизни, а за этими событіями скрыты существа и личности, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Богъ не есть чистая Сущность, безликая мысль, сіяющая какъ бы изъ природной необходимости, чуждая существамъ, которыми она управляетъ и движетъ, не есть чистая Мощь, для прославленія которой и создано все твореніе, которой мы обязаны всѣмъ, а ей не подобаешь быть обязанной намъ хоть чѣмънибудь.

Богъ есть доброта и милосердіе. Въ Немъ движеніе и жизнь, въ Немъ справедливость и любовь. Онъ вызываетъ къ жизни подобныхъ Себѣ, чтобы жить въ нихъ, соединяться съ ними, ихъ собой воодушевлять и въ себѣ обожествлять, если они на Его любовь отвѣтятъ любовью. Наша судьба — это даръ предложенный намъ и мы должны утвердить его. Природа не есть уже грандіозный предметъ, давящій насъ, не великое Все, гнетущее и фатальное. Она сдѣлалась полемъ для нашего дѣйствія, мѣстомъ нашихъ испытаній, совокупностью средствъ, предоставленныхъ въ наше распоряженіе и условій, дающихъ намъ возможность совершенствоваться. Конечно, мы страдаемъ отъ ея законовъ, но, съ другой стороны мы ими же и пользуемся: она является точкой опоры для человѣческихъ усилій. Въ Градѣ, именно въ Градѣ, вступаемъ мы съ поднятой головой, свободными людьми, всѣ сонаслѣдниками Христа, и тѣ которые среди насъ носятъ имя учителей получили имя это для служенія намъ. Это не награда, но это болѣе чѣмъ право. Ихъ авторитетъ есть служеніе, функція, бремя, и мысль даже самаго послѣдняго изъ смертныхъ должна предостоять передъ ними, душа и жизнь его должны быть для нихъ священными.

Само слово истина въ этой новой духовной средѣ получаетъ новый оттѣнокъ, звучитъ по иному. Конечно, законы ея остаются неизмѣнными, требованія непреложными и, иногда, страннымъ образомъ, даже тяжкими.

Но и въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о насъ. Тайна, которую она намъ приноситъ — это тайна нашего собственнаго существованія. Требованія, предъявляемая ею, направлены къ нашему же спасенію. Однако бесполезно было бы имъ подчиняться насильно

и безъ любви. Истина рождается изъ свободы и ведетъ къ свободѣ. *Veritas liberabit vos*. Метафизика любви, метафизика свободы вотъ какъ, въ послѣднемъ итогѣ, представлена здѣсь христіанская философія.

Среди многихъ, вытекающихъ отсюда выводовъ необходимо отмѣтить два: центръ перспективы моральной и религіозной спекуляціи перемѣщается. Онъ переносится изъ идеи въ дѣйствіе. Конечно, нужно остерегаться слишкомъ большого преувеличенія различія. Дѣйствіе, въ блонделевскомъ смыслѣ, не ограничивается однимъ лишь внѣшнимъ жестомъ, или выборомъ, или волевымъ рѣшеніемъ. Въ психо-физиологическій комплексъ, его составляющій, входитъ и превносится идея, какъ принципъ единства, движенія, а иногда и исправленія. Продуманный анализъ не есть просто словесное или прагматическое искусство: оно отвѣчаетъ на настойчивую и справедливую потребность духовной жизни. вмѣсто того, чтобы противопоставлять и отчуждать мысль отъ дѣйствія оно стремится ихъ соединить и этимъ оплодотворить — фазы слѣдующія одна за другой и связанныя однимъ и тѣмъ же духовнымъ происхожденіемъ, которое является одновременно и озареніемъ интеллекта и эффективной реализаціей нашего бытія и Бытія въ насъ. Но если дѣйствіе охватываетъ идею, то оно ею не поглащается. Одновременно съ ней оно вмѣщаетъ въ себя всю совокупность предчувствій, впечатлѣній и опытовъ, вначалѣ еще неясныхъ и смутныхъ, но способныхъ къ постепенному проясненію, которую М. Блондель въ отличіе отъ познанія «понятійнаго» предлагаетъ называть познаніемъ «реальнымъ», синтетическимъ и симпатическимъ, познаніемъ непосредственнаго присутствія и прямого соединенія, передающаго намъ отзвуки универсальной жизни. Отрываясь отъ этой, питающей насъ среды, въ погонѣ за химерой чистой идеи, мысль теряетъ почву и обрекаетъ себя на увяданіе и безплодіе. Но, если вмѣстѣ того чтобы сосредотачиваться на себѣ и довольствоваться собой, она сумѣетъ сохранить связь съ глубокой жизнью души, слиться съ ней и овладѣть ею усиленіемъ доброй воли и подлиннаго дѣланія, то наступитъ таинственное озареніе, доступное не только мистикамъ, но всѣмъ людямъ долга и вѣры: въ силу дѣйствія добраго и

прямого, истина изъ полутьмы инстинктивно-самопроизвольной жизни мало по малу вступаетъ въ свѣтлую зону разума. *Qui facit veritatum venit ad lucem*.

Слишкомъ часто (объ ошибки иногда совпадаютъ) актъ вѣры понимается какъ интелектуальное принятіе, рожденное изъ одной лишь силы констатированія неопровержимыхъ аргументовъ или, наоборотъ, изъ рѣшенія воли, замѣняющей пробѣлы діалектики, признанной недостаточной. Наступаетъ время установить полное и конкретное понятіе вѣры: будучи цѣлостнымъ актомъ существа дѣйствующаго и думающаго, идущаго «всей своей душой» къ истинѣ, вѣра предполагаетъ принятіе предмета вѣры сердцемъ и разумомъ. Будучи встрѣчей двухъ существъ, ищущихъ другъ друга, живымъ взаимодействіемъ любви и свободы она, конечно, заключаетъ въ себѣ и волю и дѣйствіе. Но цѣль этого дѣйствія не въ томъ, чтобы «сдѣлать насъ глупыми» (*abêtir*), какъ нѣкогда выразился Паскаль — выраженіе не совсѣмъ удачное и требующее умѣлаго истолкованія. Оно должно помочь намъ лучше видѣть и понимать, чтобы довести до максимума вѣрность и ясность интеллекта черезъ цѣлостное использование его силъ. *Fides qua gens intellectum*. Чувство солидарности, взаимопроникновенія и трипостасности всѣхъ нашихъ умственныхъ и человѣческихъ функций — вотъ что наиболѣе необходимо для пониманія мысли Блонделя. И такъ какъ дѣйствіе является главнымъ первымъ всѣхъ нашихъ способностей, то оно является также ключемъ для всѣхъ проблемъ.

Доктрина эта преодолеваетъ не только антимонію интеллектуализма и прагматизма, но и болѣзненную антимонію «экстренсезизма» и «имманентизма».

Многіе думаютъ, что можно охранить сверхприродную жизнь благодати и вѣры, если понимать ее лишь какъ помощь, не только даровую, но и чисто внѣшнюю, навязанную путемъ авторитета природы, которая вовсе ее не требуетъ и можетъ и безъ нея пребывать въ порядкѣ, полнотѣ и совершенствѣ. Противъ такой чистой «трансцендентности» возстала въ либеральномъ протестантизмѣ и въ нѣкоторыхъ формахъ модернизма доктрина чистой «имманентности», согласно которой религіозная жизнь, чисто субъективная, часто

произвольная вполне объяснима порывом и игрой высших наших стремлений. Против той и другой М. Блондель и аббат Лабертоньер провозглашают двойную и одинаковую необходимость как в внутренней потребности так и в помощи извне. Философски комментируя известные слова ап. Павла «Сего то Бога, Котораго вы не зная, чтите, я проповѣдую вамъ», они стараются показать, что во всѣхъ человеческихъ поступкахъ скрыта непобѣдимая, неистребимая потребность в завершеніи, в чемъ то насъ превосходящемъ, чего мы однако не можемъ достигъ своими силами. Потребность в этомъ «единомъ» говорить о себѣ и выявляетъ себя, но остается неудовлетворенной; къ ней устремлена волей или неволей, вся наша конкретная историческая судьба, безъ нея она неизбежно рухнетъ, по обрѣсти это «единое» она можетъ лишь съ помощью благодати и дара.

Необходимое и для человѣка недостижимое — это и есть опредѣленіе сверхприроднаго. Необходимое — оно окончательно избѣгаетъ обвиненія в нескромномъ вторженіи или тиранической власти. Оно в насъ самихъ есть нѣчто большее, чѣмъ мы сами. Невозможное — оно предполагаетъ помощь позитивнаго откровенія и объективнаго ученія и сохраняетъ характеръ мертвящій и разлагающій. Оно входитъ и овладѣваетъ душой лишь черезъ отреченіе и покорность. Но этимъ отреченіемъ мы завоевываемъ себя, этой покорностью — спасаемъ и освобождаемъ себя.

Зачѣмъ говорятъ намъ такъ часто объ автономіи и гетерономіи? Зачѣмъ ссылаются то на одну, то на другую изъ этихъ абстракцій? Да, фактически и по праву, мы в известномъ смыслѣ, автономны, потому что наивысшая оригинальность внутренней жизни не допускаетъ ничего, предварительно не переработавъ и не ожививъ. По праву, потому что такими хотѣлъ бы насъ Богъ в своей любви, а Онъ не требуетъ ничего, что не вело бы насъ къ счастью и жизни. Но то, что дозволено и обѣщано человѣку, не зависитъ отъ него одного. Лишь потому, что Богъ Самъ возжелалъ дать Себя намъ, можемъ мы овладѣть наивысшимъ объектомъ нашего желанія. Лишь жертвуя тѣмъ, что в насъ только отъ насъ самихъ, мы освобождаемъ Ему мѣсто в насъ. «Имманентность» такъ понятая не имѣетъ ничего общаго съ самодовольнымъ эгоизмомъ и гордостью. Это полная имъ противоположность.

Въ этомъ призывѣ ко всѣмъ объединеннымъ и дисциплинированнымъ человеческимъ энергіямъ для рѣшенія проблемы, в которой заинтересованъ не только интеллектъ, в этомъ пониманіи христіанства, какъ закона любви и свободы, есть-ли что нибудь неожиданное, парадоксальное, смущающее для внутренней жизни Церкви? Есть-ли в немъ хотя бы малѣйшее сходство съ переодѣваніемъ в угоду капризной модѣ?

Не будемъ обращаться къ Евангелію Св. Іоанна или къ посланіямъ Ап. Павла — это сдѣлало бы нашу задачу слишкомъ легкой. Ограничимся хотя бы ссылкой на Св. Августина и его «Исповѣдь» — книгу которая паряду съ «Мыслями» Паскаля наиболѣе родственна замѣчательному труду М. Блонделя: «L'Action». Двѣ темы преобладаютъ в ней. Прежде всего та, что исканіе истины и нравственное совершенствованіе всегда сопутствуютъ другъ друга и что приближеніе къ Бггю требуетъ очищенія и возрастанія. Затѣмъ, что человѣкъ созданъ для Бога и что свойственное ему отъ природы безпокойство можетъ быть удовлетворено лишь обладаніемъ Безконечнаго. Таковы двѣ главныя основныя темы Блонделя. Въ исторіи христіанской мысли августинизмъ не является лишь эпизодомъ. Его славная и непрерывная традиція пробивается къ намъ даже сквозь схоластику. Правда, для этой традиціи томизмъ сначала представляется радикально противоположнымъ, съ его интеллектуализмомъ, унаслѣдованнымъ отъ Аристотеля, его страстью къ рациональной и отвлеченной діалектикѣ. Намъ скажутъ, что католическая Церковь особенно рекомендуетъ Св. Ѳому для изученія и размышленія. Это онъ снабдилъ теологію своими формулами и излюбленными точками зрѣнія. Конечно. Но какимъ заблужденіемъ было бы видѣть въ сопротивленіи в данное время, не скроемъ, довольно остромъ, доказательство глубокаго и непоправимаго разрыва христіанской души. Да, торжественныя заявленія и рѣшенія Льва XIII, Пія X и Бенедикта XV признали исключительную цѣнность и, поистинѣ, единственную роль Св. Ѳомы, какъ католическаго учителя Церкви. Но они не претендовали на то, чтобы сдѣлать изъ этого учителя Церкви по преимуществу нѣчто единственное, непогрѣшимое и исключительное. Духъ эклектизма и новшества, который ему такъ свойственъ, долженъ былъ бы отучить его послѣдователей отъ такихъ крайностей. Въ самомъ

дѣлѣ, Св. Августинъ, Св. Бонавентура, Св. Францискъ Ассизскій, Св. Тереза, Св. Іоаннъ Креста, Сюарецъ, Св. Францискъ Сальскій и многіе другіе сохранили своихъ вѣрныхъ послѣдователей и, нынѣ, послѣ временнаго забвенія, есть много указаній, на то, что тотъ или иной изъ этихъ учителей вновь возстановить свое значеніе и вліяніе.

Если католицизмъ не вмѣщается въ томизмъ, то и томизмъ не вмѣщается въ аристотелизмъ. Эта великая и все же узкая греческая философія, которая съ метафизической точки зрѣнія не признавала ни творенія міра, ни безсмертія души, а съ моральной такъ легко уживалась съ рабствомъ и продажей дѣтей, могла-ли она перенестись на почву христіанства, не подвергнувъ себя предварительно суровымъ измѣненіямъ и обработкѣ?

Вотъ почему значительныя историческіе труды такъ кстати появившіеся въ связи съ возрожденіемъ схоластики, рисуютъ намъ аристотелевскій томизмъ уже болѣе вмѣстимымъ и какъ бы раздираемымъ непримиримыми стремленіями.

И Ж. Маритэнъ вскорѣ останется одинокимъ въ своемъ упорствѣ противъ очевидности. Св. Тома Маритэна*) конечно

*) Главнымъ образомъ въ его введеніи въ курсъ философіи (печатается у Téqui).

очень враждебенъ философіи дѣйствія. Св. Тома о. Сертилланжа**) уже менѣе враждебенъ ей. Св. Тома о. Руссело***) или о. Пикара****) еще того менѣе. Цѣлая серія весьма важныхъ и весьма извѣстныхъ работъ, напечатанная о. о. Іезуитами подъ общимъ заглавіемъ «Archives de Philosophie» говоритъ о болѣе широкомъ и пріемлемомъ толкованіи томизма, которое, въ концѣ концовъ, сдѣлаетъ безпредметной слишкомъ поверхностную полемику.

Всякій, кто сдѣлаетъ обобщающій выводъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ и симптомовъ, не колеблясь скажетъ: религіозная философія Блонделя не есть паразитарная нарость, а здоровый и сильный побѣгъ на древнемъ стволѣ христіанства. И не такъ далеко время, когда это будетъ всѣми признано. Мнѣніе Поля Клоделя высказано имъ двадцать лѣтъ тому назадъ. И въ этомъ единственное его оправданіе.

Поль Аршанбо.

**) St. Thomas d'Aquin, Alcan, éd.

***) L'intellectualisme de St. Thomas. Beauchesne, éd.

****) Особенно въ «Le problème critique fondamentale. Archives de Philosophie, II, Beauchesne, éd.